

4 289 / 346

Для лицъ, желающихъ получать журналъ въ Петербургъ, подписка принимается въ конторѣ типографіи **Альтшулера**—Фонтанка, 96 и

въ книжномъ магазинѣ **И. И. Митюрникова**—Литейный пр., 31.
Тутъ же розничная продажа номеровъ.

Сибирскіе

Седьмой годъ.

№№ 42-43-44 Вопросы

10 ноября 1911 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. Смерть Атбая. Разсказъ. *А. Невъсова.*
2. Непреодолимая загражденія Сѣвернаго морского пути. *С. Востромина.*
3. Исторія позторяется (Къ штрихамъ переселенческой политики). *Владиміра Б.*
4. Рыбный промыселъ въ Николаевскомъ районѣ въ 1910 г. *А. Качугскаго.*
5. Первый шагъ. *А. Х.*
6. Въ переселенческой комиссіи (По поводу учрежденія стипендій въ медицинскихъ факультетахъ). *Н. С.*
7. Сибирскія письма: 1) Новониколаевскъ, 2) Омскъ, 3) Иркутскъ, 4) Верхоленискъ.
8. Очерки сибирской жизни. *Л. К.*
9. „Они“ и ихъ родственники. — *ова.*
10. Обзоръ русской жизни.
11. Сибирскіе депутаты (Немного статистики). Окончаніе.
12. Рѣчи сибирскихъ депутатовъ въ Государственной Думѣ.
13. Общество изученія Сибири и улучшенія ея быта.
14. Свѣтъ и тѣни. *П. Демьянова.*
15. Студенческая экскурсія 1911 г. *А. Г.*

(См. на обор.)

Смерть Атбая.

Разсказъ.

I.

На всю степь прогремѣлъ своимъ богатствомъ и умомъ волостной управитель Атбай, и смерть его взволновала десятки ауловъ.

Говорили, что Атбай отравленъ, называли даже виновниковъ, претендентовъ на почетную должность, говорили возбужденно и громко, но уже раздѣлились на партіи, называя кандидатовъ, уже ссорились, перебѣгали группами отъ бая къ баю и на поминкахъ вспоминали рѣже о покойномъ, чѣмъ о предстоящихъ выборахъ.

Умеръ же Атбай, дѣйствительно, загадочно. Еще утромъ, окруженный родней и подручными, ходилъ онъ по табунамъ, нарочно собраннымъ изъ всѣхъ концовъ степи, обстоятельно разспрашивалъ о любимыхъ жеребцахъ, заставлялъ искать ихъ въ табунѣ, распоряжался, дѣлалъ замѣчанія, а передъ закатомъ солнца уже летѣла по ауламъ вѣсть, уже плакали жены, собирался народъ.

Къ концу второго дня, послѣ того, какъ опустили въ землю тѣло повелителя, волость успокоилась. Ауль пустѣлъ и принималъ обычный видъ.

Первая жена Атбая, старая Карипъ, не выходила изъ своей юрты и горевала въ одиночествѣ. Доступъ къ ней имѣлъ только младшій сынъ, семнадцатилѣтній Садваказъ. Часто приходилось ему утѣшать старуху, когда та послѣ стычки съ молодыми женами Атбая въ ревливой злобѣ начинала призывать на весь его родъ ужасныя проклятія. Властолюбивая старуха хоронила обиду въ себѣ, была всегда спокойна и величественна, какъ царица, но иногда въ ней закипало что-то неудержимое, отъ чего она впадала въ ярость и въ слезливыхъ причитаніяхъ была

смѣшна и отвратительна. Было обидно: тридцать съ лишнимъ лѣтъ прожили одинъ-на-одинъ, вмѣстѣ испытали нищенство, вмѣстѣ создали себѣ богатство, достигли почестей—и вдругъ, „старый котъ“ беретъ себѣ еще двухъ женъ. Горько плакала Карипъ, умоляла, грозила, но ни къ чему не привели ни мольбы, ни угрозы. Атбай всегда во всемъ совѣтовался съ ней, а тутъ настоялъ на своемъ и чуть даже не побилъ ее. Съ тѣхъ поръ молодья навсегда завладѣли сердцемъ повелителя, предоставивъ Карипъ власть и почетъ.

Поздно вечеромъ вернулся Садваказъ изъ степи и прошелъ прямо къ матери. Карипъ съ заплаканнымъ лицомъ сидѣла на кошмахъ и щипала шерсть. Подъ таганомъ горѣли палки чернотала; упругое, крѣпкое дерево стрѣляло ослѣпительными брызгами и безпокойно-неровное пламя то обдавало юрту краской, то заволакивалось дымомъ. Въ темномъ кухонномъ углу хлопотала дѣвушка.

Садваказъ сѣлъ рядомъ съ матерью.

— Разсказывай! — не поднимая головы, сказала Карипъ.

— Лошади всѣ, три раза провѣрялъ. Рогатый скотъ далеко.

— Всѣ, говоришь? Ну, не сегодня, такъ завтра возьмутся и за нихъ. Растащутъ все. Братъ твой Дюсюпъ всѣ табуны запретъ въ свои пригоны.

— Дюсюпъ—не разбойникъ.

Карипъ вспыхнула и выпрямилась.

— Дюсюпъ хуже разбойника. Я знаю все... Онъ отравилъ отца. Онъ хочетъ власти. Онъ уже много и скота, и денегъ раздарилъ на подкупъ. Ты не знаешь Дюсюпа...

Отъ волненія и крика она сильно закашляла и долго не могла произнести ни слова.

— Вотъ узнай теперь Дюсюпа!

Садваказъ былъ пораженъ.

— Пусть выйдетъ Сагайпа,—сказалъ онъ шепотомъ послѣ долгаго молчанія.

— Посмотри телятъ!—велѣла Каринъ дѣвушка.

Дѣвушка, позвякивая серебромъ въ косахъ, поднялась и вышла.

— Зачѣмъ тебѣ? Думаешь, боюсь при ней говорить? Кричать буду.

— Худо, мать...

Онъ не зналъ, какъ приступить.

— Что такое?

— Худое мнѣ причудилось. Не знаю, какъ сказать... Подъ-

ѣхалъ я сейчасъ къ могилѣ отца и не могъ поклониться. Только ступилъ на землю, слышу, изъ могилы зоветъ меня: „Садва-ка-азъ, Садвака-азъ“! Потомъ тебя звалъ, потомъ Дюсюпа. Стонетъ, шевелится... Страшно мнѣ стало. Шайтанъ его мучаетъ... Надо успокоить отца: вбить ему въ грудь свѣжій колъ.

Карипь съ исказившимся лицомъ наклонялась все ближе и ближе къ сыну. Дряблыя сухія губы ея дрожали, припухшія красныя вѣки были мокры отъ слезъ. Цѣпко до боли схватила она руку Садвакаса и заговорила хрипло съ передышкой:

— Отравили его, отравили. Въ послѣдній разъ опій къ чаю давалъ ему Дюсюпъ и далъ очень много. Я знаю, видѣла, сколько было, а осталось вотъ только.

— Шайтанъ его замучаетъ.

— Погоди... Молодой ты... Какъ тебѣ сказать...

— Говори, мать.

— Въ дѣвкахъ еще жила я русскихъ. У нихъ не такъ. Мы говоримъ, что покойникъ не оживаетъ, а если кричить— шайтанъ его тянетъ къ себѣ, надо колъ вбить. У русскихъ оживаютъ. Закричитъ, — откопаютъ его, и живетъ. Смѣются они надъ нами... Грѣхъ такъ думать, но почему русскій можетъ ожить, а нашъ не можетъ? Богъ одинъ, земля одна. Не выпускаютъ у насъ. Если бы пускали!

Карипь ломала руки, и морщинистое лицо ея то наливалось кровью, то тускнѣло.

— Не хорошо, мать, говоришь, грѣхъ такъ.

— А то не грѣхъ, когда въ живого человека колъ вбиваютъ?

— Законъ велитъ.

— Законъ вретъ. Только въ нашихъ волостяхъ такъ дѣлаютъ, въ другихъ отрываютъ покойника.

— Грѣхъ, мать!

— Вретъ законъ! — Карипь съ силой стукнула костлявымъ кулакомъ по кошмѣ.

Садвакасъ смотрѣлъ съ удивленіемъ и страхомъ. Онъ жалѣлъ уже, что сказалъ ей объ этомъ. Слѣдовало обратиться къ брату и вмѣстѣ съ нимъ прогнать нечистаго.

Карипь нагнулась еще ближе.

— Пойдемъ откапывать.

Губы у нея тряслись, а въ голосъ послышались дикія потки.

— Что? боишься? Боишься?.. Не джигить ты, баба—ты, старая больная баба. Дюсюпъ лучше: онъ настоящій джигить.

— Мать, обидно это. Я не боюсь, я разрою всё могилы, если хочешь, но отца не трону.

— Боишься? Джигить! Я пойду одна, одна разрою. Вретъ законъ: человѣкъ кричить—значить, живой. У русскихъ живой бываетъ.

Она упала лицомъ на кошму и разразилась причитаніями. Сквозь стоны и всхлипыванія можно было разобрать только отрывки словъ.

— Если бы я была молодой и здоровой... я своими ногтями раскидала бы землю... Ой-ой-ой... Что я сдѣлаю, разбитая кляча... ноги не ходятъ, руки не дѣлаютъ... Ой-ой-ой... Атбай, Атбай!..

Садвакасъ не терпѣлъ причитаній, но теперь вмѣстѣ съ досадою въ его сердцѣ поднималось сомнѣніе. Обычай велить, но что, если обычай вретъ и въ самомъ дѣлѣ? Промелькнула передъ нимъ фигура грознаго отца, теперь безпомощнаго и зовущаго, и жутко стало при одномъ предположеніи, что человѣкъ изъ-подъ земли все зоветъ и зоветъ, и никто его не слышитъ тамъ въ степи, а кто услышитъ, уйдетъ какъ можно дальше. Если пойти и откопать? У русскихъ глубоко зарываютъ и то откапываютъ, а киргизская могила мелкая... Но шайтанъ? Что бы тамъ ни говорила мать, безъ злого духа худого не бываетъ... Нѣтъ, стыдно молодому джигиту бояться, стыдно, стыдно... Мысли кипѣли въ борьбѣ.

— Слушай, мать!

Карипъ быстро сѣла и пытливо сощурилась.

— Скажемъ Дюсюпу, какъ онъ посовѣтуетъ?

— Чѣмъ тебѣ Дюсюпъ поможетъ? Онъ своей рукой вобьетъ въ могилу колъ. Нельзя ему сказать.

— Народъ увидить.

— Пускай увидить... Да и не увидитъ народъ.

Она съ трескомъ заломила руки.

Ослабѣвшій огонь горѣлъ неувѣренно и блѣдно. Въ полутьмѣ было напряженно тихо: Карипъ задумалась. Садвакасъ не шевелился, боясь нарушить ея покой, и только внимательно слѣдилъ за матерью. Лицо ея какъ будто просвѣтлѣло. Но вотъ глаза расширились, взглядъ ихъ пронизываетъ что-то вдаль, губы искривились усмѣшкой и лицо застыло. Садвакасъ невольно взглянулъ на дверь. Сердце дрогнуло отъ какого-то неяснаго предчувствія.

— Что, мать?

Карипъ передернулась, и лицо сразу стало дряблымъ, глаза

потухли, сузились. Отодвинувъ шерсть, она медленно встала и, въ чемъ была, пошла на улицу.

— Куда ты?

— Слышишь, зоветь... Кричить, меня зоветь.

Садвакасъ загородилъ дверь.

— Пусти, одна пойду.

— Не ходи! Позову народъ, съ народомъ надо.

— Пусти! Зоветь меня. Слышишь?

Садвакасъ растерянно подвинулся въ сторону.

У дверей стояла Сагайпа.

— «Телятъ смотрѣла», — вспомнилъ онъ: — не уходи, сейчасъ придемъ.

II.

Сагайпа все слышала. Оставаться одной въ пустой юртѣ, когда хозяина ея давить шайтанъ, было выше ея силъ. Она юркнула, было, въ юрту, но сейчасъ же выбѣжала и пустилась вдоль аула. Она натыкалась въ темнотѣ на собакъ и дремавшихъ коровъ, останавливалась, озиралась кругомъ и, едва переводя дыханіе, бѣжала дальше. Народъ еще не спалъ. Сквозь изрѣшетенныя дождемъ и солнцемъ войлочные стѣнки звѣздочками пробивался свѣтъ. Изъ юртъ доносился звонкій смѣхъ и хныканье ребятъ, окрики и брань женщинъ. Мужчины почти всѣ были на другомъ концѣ аула у Дюсюпа, который, подъ предлогомъ продолженія поминокъ, устроилъ той.

Когда Сагайпа подошла къ его юртѣ, страхъ оставилъ ее: тутъ было свѣтло и шумно. Въ сторонѣ отъ юрты въ трехъ огромныхъ казанахъ варилось мясо. Около огней хлопотали молодые женщины. Столбъ удушливаго дыма заставлялъ ихъ жмуриться и отклоняться въ сторону. А когда онѣ приподнимали надъ котлами тяжелыя крышки и длинными ложками начинали мѣшать куски мяса и сала, къ запаху дыма прибавлялся аромать баранины, и всѣ, къ кому онъ доносился вѣтромъ, нетерпѣливо оборачивались въ сторону костровъ. Тутъ же большимъ кругомъ сидѣли мужчины, все больше молодежь и бѣднота. Склонившись надъ плотносжатыми ногами и постегивая толстыми тяжелыми нагайками о землю или безцѣльно стругая таловыя палки, они о чемъ горячо и громко спорили. Говоръ то затихалъ, то снова разражался ураганомъ. Каждый силился перекричать сосѣда и съ взвизгиваньемъ и одышкой поднималъ голосъ все выше, пока чья-нибудь наиболѣе сильная глотка не покрывала крикъ. Тогда

на минуту общее вниманіе направлялось въ одну сторону. Но, пользуясь затишьемъ, опять начинали говорить тихони, и это уже было знакомъ къ новому взрыву.

Ночь въ аулѣ выдалась спокойная: не заливались собаки то-скающимъ лаемъ, бараны не шарахались въ паническомъ страхѣ по своимъ пригонамъ и бабы не пугали хищника гортаннымъ, дружнымъ „гау!“ Собранныя на ночь къ юртамъ больныя коровы ритмически пыхтѣли и чавкали совсѣмъ близко за кругомъ, мало обращая вниманія на крики и огонь. Только изрѣдка какая-нибудь первотелка, подавивши усталость и лѣнь, поднималась на ноги и съ пытливо вытянутой шеей осторожно подходила къ людямъ. Глупо тараща мокрые глаза, она съ силой втягивала въ себя воздухъ, но подъ взмахомъ нагайки неуклюже прыгала бокомъ и, неудовлетворенная, скрывалась въ темнотѣ.

Сагайпа подошла къ ближнему огню. Женщины стали спрашивать. Дѣвушка заговорила шепотомъ, выразительно жестикулируя руками. Крикъ удивленія оборвалъ ее на полусловѣ. Со всѣхъ сторонъ посыпались вопросы. Сагайпа знала, что сейчасъ сотни глазъ повернутся къ ней и всѣ станутъ слушать ее, но она стремилась въ юрту: вниманіе той публики было для нея дороже. И еще не успѣли подойти отъ сосѣднихъ костровъ, какъ Сагайпа была уже у юрты и тихо пріотворила дверь; она хотѣла незамѣтно проскользнуть къ бабамъ, но наткнулась на сплошной рядъ спинъ. Кое-какъ пробравшись возлѣ стѣны за цыновку, она стала оглядывать гостей. На нее никто не обратилъ вниманія. Только Дюсюпъ презрительно сощурилъ лѣвый глазъ. Дѣвушка съ гордостью подумала, что стоитъ ей сказать всего нѣсколько словъ, какъ важный Дюсюпъ и всѣ сидящіе вокругъ него замолкнутъ и окаменѣютъ.

Въ юртѣ было тѣсно и душно. Перевязанная красной тряпкой лампа безъ стекла едва боролась съ темнотой. Гости, похожіе на глинянныя изваянія, сидѣли въ нѣсколько рядовъ. Хозяинъ, окруженный аксакалами, говорилъ устало и монотонно. Никто не возражалъ, слышались только утвердительныя восклицанія. Видимо, говорили уже давно и много. Позеленѣвшій двухведерный самоваръ, набитый кизякомъ, пыхтѣлъ на всю юрту, столбомъ выкидывая ѣдкій дымъ. Въ ожиданіи баранины хотѣли выпить чаю. Молодая хозяйка то набивала самоварную трубу корявыми сучками, то выходила за дверь и громогласно отдавала распоряженія. Старшая жена Дюсюпа въ чистомъ джевлукѣ и ярко-

пестромъ платьѣ возилась за цыновкой у сабы. Огромная саба за эти дни наполнялась почти до верху, но къ ночи кумысу оставалось только на закваску. Сагайпа машинально перепробовала содержимое безчисленныхъ посудинъ, наполненныхъ молочными продуктами во всѣхъ видахъ, выловила пальцами нѣсколько мухъ, утопавшихъ пѣлыми колоніями въ морѣ молока, и намѣренно небрежно кинула хозяйкѣ:

— Шайтанъ Атбая душить.

Та опустила руки.

— Болтай еще! Дура!

— Правда.

— Лисица на хвостѣ принесла тебѣ это?

— Садвакасъ говорилъ. Они ушли откапывать.

— Молчи. Нельзя этого.

Дюсюпъ неожиданно оборвалъ свою рѣчь.

— Что тамъ говорить она?

Его чуткое ухо уловило отцовское имя.

Женщина злобно взглянула на дѣвушку и быстро заработала бойкой.

— Не знаю. Что-то вретъ тутъ.

— Если вратъ пришла, пускай уходитъ. Что ей надо?

— Не знаю.

— Сказывай скорѣе.

Сагайпа, спрятавшись за перегородкой, заговорила сбивчиво и неуверенно:

— Къ Атбаю шайтанъ пришелъ. Не уходитъ. Кричитъ, зоветь...

— Кутекъ!—вскрикнула женщина, выпуская бойку. Теперь она повѣрила, и робкая душа ея наполнилась ужасомъ.

Дюсюпъ растерянно смотрѣлъ на окружающихъ.

— Развѣ ты ходила на могилу?

— Садвакасъ ходилъ.

Гости застыли съ открытыми ртами.

— Говори все, дѣвка!

Добившись вниманія, Сагайпа стала смѣлѣе, хотя по прежнему стояла за цыновкой. Она съ жаромъ рассказала, какъ пріѣхалъ Садвакасъ, передала весь разговоръ его съ матерью и то, что теперь они идутъ уже на кладбище. Еще среди рассказа раздавались единичные возгласы, а когда она кончила, заговорили разомъ всѣ, и трудно было уловить, о чемъ толкуетъ каждый.

Стоялъ сплошной гулъ восклицаній, полныхъ ужаса и любопытства. Дюсюпъ отъ нетерпѣнія перекаладывалъ ноги, нервно сплевывалъ на огонь, нѣсколько разъ пытался что-то сказать, но обрывался на полусловѣ, прислушиваясь къ разговору стариковъ. Аксакалы измѣнили своей обычной выдержкѣ. Дѣтски любопытный духъ номада нарушилъ свое дѣланое равновѣсіе и запыхалъ костромъ. Строгія лица вдругъ потеряли морщины, голоса окрѣпли, глаза загорѣлись. Жизнь кочевника однообразна, какъ степной ковыль, и незначительное отклоненіе отъ шаблона будней—уже событіе, уже предметъ вниманія и пересудовъ. Случаи же посѣщенія могилъ нечистымъ всѣмъ наперечетъ.

— Это за великій грѣхъ,—убѣжденно и вѣско сказалъ сосѣдъ Дюсюпа.

— За какой?—крикнулъ кто-то отъ дверей.

— Богъ знаетъ.

— Богъ много знаетъ, онъ знаетъ все.

— Правильно.

— Какъ?—беспомощно озираясь кругомъ, спрашивалъ Дюсюпъ.

Никто не могъ отвѣтить прямо.

— Пойдемъ выгонять? — опять спросилъ онъ. Но отвѣта не было.

Вдругъ изъ задняго ряда послышался неувѣренный голосъ:

— Кто знаетъ, какъ быть. Богъ одинъ, одинъ знаетъ. Свать говорилъ мнѣ, когда онъ ѣздилъ въ Мекку, былъ тамъ случай такой.

Дюсюпъ насторожился.

— Ну?

— Вынули его.

— Ну!

— Живетъ теперь.

— А какъ живетъ?—вдругъ рявкнулъ непомѣрно толстый бій.—Развѣ не противенъ онъ людямъ? Кто попалъ къ шайтану, тому нѣтъ оттуда выхода.

— Такъ, такъ.

— Вынуть можно,—продолжалъ тотъ же тихій голосъ:—если зоветъ людей, надо взять къ себѣ. Худо тамъ ему.

— Куда такого человѣка?—ревѣлъ бій.—Онъ помощникъ шайтана. Шайтанъ нарочно посылаетъ.

— Ой, Господи!

— Да, это вѣрно.

Бій торжествующе окинулъ взглядомъ юрту и громогласно гаркнулъ:

— А гдѣ законъ такой?

— Въ нашемъ краю такъ ведется. Выпускать нельзя. Развѣ ты не здѣсь родился и выросъ?

— Великій грѣшникъ былъ отецъ,—заговорилъ Дюсюпъ:— онъ могъ на свой счетъ отправить въ Мекку цѣлый аулъ, а онъ и самъ не собрался туда.

Разрозненные возгласы одобренія дорого купленныхъ Дюсюпомъ голосовъ были неизмѣннымъ отвѣтомъ на каждое его слово. А онъ такъ нуждался въ нихъ сейчасъ. Онъ уже чувствовалъ въ себѣ достаточно силы потягаться съ самымъ опаснымъ соперникомъ, уже сталъ привыкать къ мысли о близкомъ, почти неограниченномъ господствѣ—и вдругъ эта скверная исторія съ покойникомъ. Какой нелѣпый случай! Кто могъ допустить, что человѣкъ, смертию вычеркнутый изъ всѣхъ списковъ, вернется обратно? А онъ просится, онъ требуетъ, и онъ имѣетъ на то право. Дюсюпъ представилъ себѣ лицо отца, и подъ взглядомъ призрака болѣзненно съежился. Не можетъ быть! Нельзя допустить такой глупости. Онъ мысленно пропустилъ передъ собой большіе табуны, раздаренные на подкупъ, и ему стало до слезъ обидно. Строгий отецъ всю жизнь держалъ его въ черномъ тѣлѣ, такъ неужели и теперь изъ могилы онъ способенъ разбить его мечты? Какая дьявольская сила помогаетъ ему?

— Что же сидимъ мы?—неожиданно вскипѣлъ онъ.—Тамъ два глупыхъ человѣка могутъ сдѣлать худое всему аулу. Что сидимъ?

— Надо идти.

— Идемъ!—повелительно крикнулъ бій.

— Идемъ, идемъ!

Какъ по командѣ, поднялись всѣ на ноги и, туго стягивая узкіе ремни съ серебряными бляхами, гурьбой потянулись на улицу.

Надъ степью царила ночь. Только три костра подъ казанами, напрягая силы, едва удерживали отвоеванное свѣтомъ мѣсто, гдѣ толпился народъ. Но стоило любопытной бабѣ на минуту отойти къ мужчинамъ, какъ огонь слабѣлъ...

Пока успѣлъ выйти изъ юрты послѣдній человѣкъ, передъ дверями выросла толпа. Тутъ были и тѣ, что верховодили судъ-

бами волости, и тѣ, что скромно ожидали рѣшающаго слова аксакаловъ. Событіе обрушилось на всѣхъ съ одинаковой силой. На улицѣ еще успѣли покричать и поспорить и теперь только ждали окончательнаго слова стариковъ. А старики уже волновались и суетливо нахлобучивали шапки. Этого было достаточно.

— Лошадь мнѣ!—властно крикнулъ Дюсюпъ...

Кто то побѣждалъ къ пригонамъ, гремя наборной уздой.

Мужчины торопливо направились къ своимъ юртамъ, а гости изъ другихъ ауловъ разбирали своихъ не разсѣдланныхъ озябшихъ лошадей.

— Какъ же мясо?—заботливо и нерѣшительно спросила жена Дюсюпа, и вмѣстѣ съ нею безмолвно одними глазами спросили о томъ же тѣ, что притащились сюда утолить свой голодь.

— Мясо потомъ,—отрѣзалъ Дюсюпъ: — Скорѣ вернемся. Большого огня не пускайте.

Сборы были шумны и хлопотливы. По аулу пошелъ гулъ перекрестныхъ окликовъ, и многочисленныя собаки, внезапно зараженные людскимъ безпокойствомъ, завывали жалобно и злобно.

III.

Карипъ и Садвакасъ удачно вышли въ степь, не замѣченные ни кѣмъ. Черезъ нѣсколько шаговъ только красноватая звѣздочка огней опредѣляла положеніе аула.

Идти было трудно. Аулъ стоялъ по склону лога, на днѣ котораго въ противоположной сторонѣ всегда была вода. Весной вода блестѣла на большомъ пространствѣ, а къ серединѣ лѣта отъ нея оставался лишь крѣпкій солонецъ да окруженный липкой грязью кочки. Попасть же на старинное кладбище всего ближе было черезъ логъ.

Только подойдя почти къ самому озеру, Садвакасъ опомнился. Съ нимъ не было даже лошади. Зачѣмъ онъ пошелъ? Нужно мать вернуть. Мать уже старуха и выживаетъ изъ ума. Что ее слушать?

Онъ съ трудомъ переставлялъ отяжелѣвшія отъ грязи ноги и отставалъ отъ матери все больше и больше. А Карипъ, какъ молодая хозяйка, растерявшая телятъ, бѣжала легко и проворно. Она говорила что-то, но разобрать было трудно.

— Что тебѣ?—спрашивалъ Садвакасъ, путаясь ногами въ кочкахъ.

Карипъ не слышала. Она спотыкалась на каждомъ шагу, почти касаясь руками кочекъ, и, потерявъ вышитые дорогіе кибысы, шлепала по грязи въ ичигахъ.

— Куда пошла? Лѣзешь въ самый батпакъ... Эй! мать! Подожди.

Карипъ старалась бѣжать.

«Сумасшедшая!»—злбно выругался Садвакасъ. И вдругъ это слово объяснило ему все. „Сумасшедшая?.. Ну, конечно, конечно. За эти дня она совсѣмъ не та, что раньше. Какая-то дикая. И еще онъ пошелъ съ ней... Развѣ это отъ ума—пойти ночью на кладбище? Раньше пѣшкомъ изъ аула не дѣлала ни шагу, а теперь бѣжить такъ, что не догонишь и на лошади... Бѣжить, все бѣжить“.

— Эй, мать!

Но Карипъ скрылась. Только слышно, какъ шлепаютъ ея ноги.

— Горе, горе!—Садвакасъ остановился.—Мать! Э-э-а-ей!

Тихо. Въ темнотѣ только гдѣ-то чуть слышно шелеститъ трава.

— Бѣжить... Что съ ней дѣлать?

Черезъ нѣсколько шаговъ болото кончилось. Онъ понялъ, почему такъ быстро скрылась мать, и ему стало стыдно. Джигить! Пойти съ безумной женщиной и не сумѣть съ ней справиться! Онъ мгновенно стоялъ въ нерѣшительности, весь замеръ, вслушиваясь въ темноту, и вдругъ со всѣхъ ногъ кинулся впередъ.

— Э-э-а-ей!

Пронзительный, звенящій сталью звукъ стегнулъ по воздуху и замеръ тутъ же. Быстро пробѣжавъ черезъ гладкій солонецъ, Садвакасъ остановился, но опять сорвался съ мѣста и, тяжело дыша, бросился въ сторону: мать была близко. Вотъ она! Уже бѣлѣетъ сбившійся джевлукъ. Еще нѣсколько шаговъ—и Садвакасъ схватилъ ее за широкой камзолъ.

— Подожди!

Камзолъ затрещалъ. Садвакасъ съ силой рванулъ ее къ себѣ и крѣпко сжалъ въ своихъ рукахъ. Карипъ вздрогнула и быстро, какъ кошка, впила въ лицо сухими острыми ногтями. Онъ отшатнулся, но жилистые, искривленные пальцы сжимались все крѣпче. Передъ нимъ была не мать, не печальная и добрая женщина, а хищное животное, страшное въ своей безумной ярости. На лицѣ ея застылъ беззвучный дьявольскій смѣхъ, глаза, какъ угли чернотала, металы искрами безумія, и вся она была, точь-въ-точь какъ та старуха, о которой говорится въ сказкѣ. Садвакасъ инстинктивно со всей силой толкнулъ ее впередъ, и она покорно повалилась навзничъ. Съ отчаяньемъ и страхомъ наклонился Сад-

вакасъ, боясь пригнуться къ неподвижному тѣлу. Лицо Карипъ были серьезно и широко открытые глаза смотрѣли, не мигая, въ небо.

— Слушай, мать... домой надо.

Карипъ очнулася. Не успѣвъ Садвакасъ подняться, какъ она уже вскочила и, не взглянувъ на сына, со всѣхъ ногъ пустилася по склону лога въ сторону отъ кладбища. Садвакасъ послѣдовалъ за ней. Онъ шагаль такъ скоро, какъ позволяли его кривыя отъ верховой ѣзды ноги, но Карипъ шла быстрѣе. Онъ долго не терялъ ее изъ виду, наконецъ, отсталъ на столько, что блѣдный силуэтъ ея совсѣмъ разошелся въ темнотѣ.

— Пускай идетъ. Пускай идетъ, куда хочеть,—въ отчаяньи рѣшилъ онъ и опустился на землю.

Въ аулѣ громко и тревожно лаяли собаки.

— Какъ-есть на волка,—рѣшилъ Садвакасъ: — давно не приходили...

Съ противоположной стороны едва уловимо долеталъ крикъ пастуха: тамъ пасся конскій табунъ. Онъ невольно зажмурилъ глаза. Усталое тѣло просило покоя, а въ головѣ было все спутанно и смутно. Какъ это вышло? Бѣда за бѣдой... Онъ испуганно открылъ глаза и оглядѣлся. Ночь. Что ему дѣлать? Что скажетъ братъ, что скажутъ аксакалы? Куда дѣвалъ мать? И ужась охватилъ его душу. Одинъ въ мертвой степи. Отца и мать поймалъ шайтанъ. Шайтанъ и за нимъ придетъ... Нужно въ аулъ... Онъ поднялся. Что это чудится? Разговариваютъ люди, много людей. Долго напряженно вслушивался онъ, затаивъ дыханіе. Со стороны аула двигались верховые. Они были далеко, но, по густому топоту копытъ на солонцахъ и шумному говору, ихъ было не меньше полсотни. Садвакасъ вспомнилъ, что въ аулѣ гости. „Развѣ выйти на дорогу и остановить? Нѣтъ, пускай уѣдутъ, довольно своего аула“. Онъ направился въ обходъ болота къ юртамъ. Пошелъ тихо, съ трудомъ поднимая затекшія ноги, словно тащилъ на нихъ тяжелую короткую цѣпь... Верховые подъѣзжали. Вотъ они повернутъ сейчасъ на большую дорогу. Нѣтъ, ѣдутъ мимо. Садвакасъ остановился. Конечно, мимо. Что это значить?.. И въ головѣ блеснула догадка: значить, коровій пастухъ слышалъ голосъ и рассказалъ въ аулѣ. Да, это ѣдутъ свои: гостей не такъ ужъ много. Вотъ и еще догоняютъ, съ гиканьемъ во весь опоръ. Вотъ у кого-то лошадь опрокинулася на кочкахъ. Вѣрно, упалъ черезъ голову: слышно, какъ бьетъ ее нагайкой по бокамъ и ругается.

Садвакасъ стоялъ и слушалъ. Голоса боролись съ разстоянiемъ, но становились все глуше и неопредѣленнѣе. Вдругъ совсѣмъ близко захлопала лошадь. Кто-то взялъ напрямикъ. Садвакасъ безотчетно присѣлъ въ траву, но тотъ уже наѣхалъ. Лошадь шарахнулась, захрапѣла, и всадникъ торопливо крикнулъ:

— Кто тутъ?

Садвакасъ виновато откашлялся.

— Я.

— Кто?

— Я... Садвакасъ.

Лошадь затопталась на мѣстѣ, но, обожженная ударомъ нагайки, порывисто прыгнула и чуть не смяла его съ ногъ. Садвакасъ посторонился, но въ самое лицо ему изъ-подъ лисьяго малахая уже смотрѣли два острыхъ глаза. Онъ узналъ эти глаза. Только Дюсюпъ умѣетъ такъ смотрѣть.

— Ты что же здѣсь дѣлаешь?

Сайдвакасъ промолчалъ.

— Что тутъ дѣлаешь, говорю?

— Мать ишу. Богъ отнял у нея умъ...

— И отца тоже ищешь?

— Отецъ зоветъ... Куда поѣхали?

— Это мои люди. Куда вѣлю, туда и поѣдутъ. Отца выпустилъ?

— Я не былъ тамъ.

— Врешь. А мать гдѣ?

— Убѣжала въ степь.

— А зачѣмъ сегодня ѣздили въ табуны? Провѣряешь меня?.. Собачье отродье!

— Братъ!

— У-ухъ!..

Садвакасъ безсознательно съежился, но въ глазахъ у него вдругъ вспыхнула огнемъ вся степь и туча ослѣпительныхъ колючихъ искръ закрыла все: ударъ трехфунтовой короткой нагайки пришелся какъ-разъ по виску. Второй ударъ, стремительный и крѣпкій—и молодое тѣло опрокинулось къ ногамъ лошади, испуганно метнувшейся въ сторону. Одно мгновенье Дюсюпъ пошатнулся въ сѣдлѣ, но тотчасъ же выпрямился, гулко ударилъ тяжелыми подборами по конскимъ бокамъ и ринулся впередъ, какъ пуля... Въ темнотѣ вдругъ выросла толпа верховыхъ. Дюсюпъ почти врѣзался въ нее, но лошадь круто убавила ходъ. Разго-

ряченный скачкой онъ съ удовольствіемъ оправился въ сѣдлѣ и, закинувъ вверхъ тяжелыя уши малахая, поставилъ вспотѣвшую шею холодному свѣжему воздуху.

— Что такъ долго?—спросилъ кто-то.

— Задержался по хозяйству.

До кладбища было не больше версты. Ъхали, сгрудившись, стремя въ стремя, старики и молодые, и оживленно перекидывались короткими словами, но у каждого съ лишнимъ шагомъ лошади нарастало острое беспокойство.

Изъ всѣхъ только одинъ горбатый, старый Темиртазъ участвовалъ когда-то въ подобной же исторіи и потому ѣхалъ впереди.

Какъ-то неожиданно и для себя, и для заднихъ передніе осадили лошадей: всѣмъ имъ померещилось, будто что-то выдѣлилось изъ однообразной мглы и движется впередъ.

Послѣ короткаго замѣшательства Дюсюпъ осторожно крикнулъ:

— Эй!

Минуту выждали.

— Э-а-ей!—опять крикнулъ молодой упругій голосъ. Лошади вздрогнули и наострили уши. А призракъ быстро пересѣкалъ дорогу... Съ головы его спускалось что-то бѣлое, и плылъ онъ надъ землей по воздуху. Боязливый шепотъ прошелъ по рядамъ. Всѣ поняли, кто это, и, несмотря на то, что готовились съ нимъ встрѣтиться, ужасъ приковалъ всѣхъ къ мѣсту. Призывая Бога, Темиртазъ наклонился къ лукъ и напряженно щурилъ слезливые глаза.

— Идетъ... Уйдетъ теперь.

— Кто *его* выпустилъ? Карипъ гдѣ?

— Они на кладбищѣ...

— Убѣжалъ отъ нихъ.

— Нельзя отпускать,—твердо рѣшилъ Темиртазъ:—много горя будетъ. Нужно гнать въ могилу.

Снова прошелъ шепотъ. Толпа дрогнула и, какъ одинъ человекъ, съ оглушительнымъ гайканьемъ рванулась на призракъ... Вотъ онъ подъ мордами переднихъ лошадей, и руки невольно натянули поводья, сбивая лошадей съ ноги. Призракъ двинулся въ сторону. Опять онъ близко и опять отстали отъ него. Мятущейся толпой люди кидались за *нимъ*, а *онъ* двигался неслышно въ темнотѣ все быстрѣй и быстрѣй.

— Не догнать,—сказалъ кто-то тихо. Смѣлый крикъ передняго пронизалъ уши, и снова всѣ рванулись впередъ. Уже не сдер-

живали лошадей, уже воинственно приподнялись на сѣдлахъ... Вотъ подъ дробью копытъ загудѣлъ солонецъ, зашумѣли камыши. Сейчасъ вода. Попавъ въ топь, лошади задержали ногами и остановились. Въ этотъ моментъ изъ камышей отчетливо донеслось хлопанье проворныхъ ногъ. Очевидно, бѣжалъ онъ. Тѣсная толпа шепотомъ твердила имя Бога.

Вдругъ онъ забарахтался въ водѣ и крикнулъ торопливо, крикнулъ такъ, что можно было услышать и въ аулѣ:

— Атбай! Атбай!

Толпа застыла. Голосъ старой Карицъ былъ хорошо знакомъ и прозвучалъ такъ ясно.

А. Невъсовъ.

Непреодолимыя загражденія Сѣвернаго морского пути.

На дняхъ черезъ Петербургъ проѣхалъ въ Англію капитанъ Вебстеръ, совершившій лѣтомъ этого года морской путь на кораблѣ „Nimrod“ отъ Ливерпуля въ устье Енисея, откуда на судахъ казенной флотиліи поднялся до города Красноярска. Онъ подѣлился съ нами своими взглядами на этотъ путь и впечатлѣніями, вынесенными изъ этой поѣздки.

Одна возможность достигнуть сплошнымъ воднымъ путемъ, сначала морскимъ, а затѣмъ рѣчнымъ, отъ Англіи до центра Сибири, Красноярска, гдѣ водный путь пересѣкается Великой Сибирской желѣзной дорогой, сама по себѣ на столько заманчива, что приковываетъ всецѣло вниманіе, и когда начинаешь ближе изучать возможность воспользоваться этимъ путемъ въ цѣляхъ торговыхъ и промышленныхъ, то блестящія перспективы будущаго становятся ясными и несомнѣнными.

— Я изучаю этотъ вопросъ, — говорилъ Вебстеръ, — уже второй годъ, и онъ заинтересовалъ меня серьезно. Сибирь имѣетъ всѣ благодатныя условія для развитія сельско-хозяйственной культуры. Зерно сибирской пшеницы не уступаетъ по качествамъ зерну Канады, и степень распространенія запашки въ Сибири пойдетъ далеко къ сѣверу, гдѣ могутъ поселиться еще огромныя массы народа, если области эти получаютъ удобные дешевые пути для сбыта своихъ про-

Сибирскіе

Шестой годъ.

№ 12

Вопросы

6 апрѣля 1910 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. Наплунъ Бандуринъ (Изъ галлерей сибирскихъ ташкентцевъ). *Сурина.*
2. Сибирское дворянство. *В. С. Е.*
3. Иллюзіи и дѣйствительность переселенческаго дѣла. *В. К.*
4. Сѣверный морской путь. *И. П—ъ.*
5. Очерки сибирской жизни. *Л. К.*
6. Сибирскія письма: 1) Тобольскъ, 2) с. Вагай, Тобольскаго уѣзда, 3) Семипалатинскъ, 4) Барнауль, 5) Иркутскъ, 6) Верхоянскъ.
7. Обзоръіе русской жизни.
8. Рѣчи сибирскихъ депутатовъ въ Государственной Думѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Ф. Н. Альтшулера. Фонтанка, 96.

1910.

слышно, г. фон-Гагманъ не прочь имѣть въ подвластной ему губерніи трезвыхъ мужиковъ. Но какъ ни сильна въ наше время власть губернатора, одного превосходительнаго согласія все-таки мало, нужно еще согласіе управляющаго Тобольско-Акмолинскаго акцизнаго управленія. Вотъ тутъ-то и запятая. Тобольское акцизное управленіе, имѣющее во главѣ надзирателя С. В. Рязанова, смотритъ иронически на приговоры крестьянъ, да и въ расчеты его не входитъ закрытіе казенныхъ винныхъ лавокъ. На-дняхъ выѣхалъ помощникъ надзирателя для провѣрки приговоровъ и для разъясненія волостнымъ обществамъ, чѣмъ крестьяне рискуютъ въ случаѣ закрытія винныхъ лавокъ. Рискъ-же вотъ въ чемъ: въ селахъ и деревняхъ, гдѣ закрыты по приговорамъ обществъ винныя лавки, не могутъ быть открыты ренсковые погреба и пивныя лавки; затѣмъ отвѣтственность общества (?) за тайную продажу водки...

Разсчитываютъ, что эти *провѣрки и объясненія* запугаютъ крестьянъ, и приговоры не будутъ имѣть послѣдствій.

II. II.

Семипалатинскъ (*Борьба съ крамолой*). Въ Семипалатинской области, управляемой уже года два губернаторомъ Тройницкимъ, съ помощью выписываемыхъ имъ не особенно удачныхъ чиновниковъ изъ Тобольской губерніи (тамъ они замѣщаются импортированными изъ Могилевской губерніи), идетъ, повидимому, борьба „съ крамолой“, обнаруживаемой въ архи-мирной и спокойной области среди киргизъ, отличающихся вообще миролюбивыми наклонностями.

Въ 1905 г. въ Семипалатинской области было вполне спокойно, попечительное начальство было лишь встревожено „демонстраціей“ въ гор. Каркаралинскѣ при запоздаломъ объявленіи манифеста 17 октября. Невинную демонстрацію администрація раздула чуть ли не до размѣровъ бунта, который даже пыталась усмирять, но сдѣлать этого не смогла, ибо... бунта не было! Все-таки область, на всякій случай, была объявлена на военномъ положеніи.

Каркаралинскій бунтъ окончился преданіемъ суду одного интеллигентнаго киргиза, который былъ, какъ и слѣдовало ожидать, оправданъ.

Этимъ и закончилась борьба съ крамолой. Тогдашній гу-

бернаторъ Галкинъ и степные генераль-губернаторы Сухотинъ и Надаровъ не примѣняли ни высылки, ни другихъ обычныхъ пріемовъ устрашенія, потому что ясно было, что нѣтъ надобности въ этомъ аппаратѣ.

Въ 1908 г. Семипалатинскимъ губернаторомъ былъ назначенъ Тобольскій вице-губернаторъ Тройницкій, усмиравшій въ теченіе 4 мѣсяцевъ 1906 г. спокойную Тобольскую губернію, начиная съ Тобольска, гдѣ въ 1905 году и самыя „крайніе“ элементы заботились лишь о поддержаніи тишины и порядка. Начались высылки, исправники получали строжайшія предписанія „дѣйствовать“, т. е., разыскивать крамолу, было объявлено военное положеніе. Одно время утверждали, что были даже обнаружены лица, пострадавшія отъ революціи и будто бы получившія возмѣщеніе убытковъ отъ казны. Только кто и какъ пострадалъ, осталось секретомъ.

Приобрѣтенный административный опытъ г-нъ Тройницкій естественно началъ примѣнять въ Семипалатинской области. Послѣ поисковъ нашлись и „крамольники“, благо киргизская степь кишитъ сплетнями и интригами, да обильна людьми, готовыми воспользоваться любымъ предлогомъ для сведенія личныхъ счетовъ, путемъ ложныхъ обвиненій и доносовъ.

Въ прошломъ году,—какъ уже сообщалось въ „Сибирскихъ Вопросахъ“,—было начато дѣло противъ управляющаго русско-киргизской школой въ гор. Каркаралинскѣ Ахмета Байтурсунова, киргизскаго поэта, сдѣлавшаго переводъ басенъ Крылова на киргизскій языкъ. Обвиняли его въ томъ, что онъ проявилъ мало патріотизма въ 1905 г., ставили на видъ, что у него въ школѣ нѣтъ ни одного русскаго ученика, обвиняли въ пропагандѣ переселенія киргизъ въ Китай, неплатежа податей и пр., и пр., лишили человѣка мѣста, заключили въ тюрьму...

Грозное дѣло кончилось высылкою г. Байтурсунова не по суду, а по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ изъ Степныхъ Областей.

Вскорѣ совершенно для всѣхъ неожиданно въ началѣ марта получено распоряженіе о высылкѣ изъ Степныхъ же областей, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, семи киргизъ: Хасеня Акаева (бывшій волостной управи-

тель), Смаила Байтенева (бывшій учитель аульной школы), Аспелбая Сулейменева, Бадаубека Раимбекова, Ахмета Раимбекова, Ибрая Акпаева и Смакана Букейханова. Послѣдніе двое развѣ повинны въ томъ, что первый братъ высланнаго въ Семирѣченскую область юриста Акпаева, а второй братъ депутата 1-ой Думы и общественнаго дѣятеля А. Н. Букейханова. Что побудило выслать остальныхъ — секретъ семипалатинской администраціи, старающейся, вѣроятно, доказать, что тамъ не такъ спокойно, какъ въ другихъ степныхъ областяхъ, гдѣ не считаютъ нужнымъ играть въ политику и безъ нужды обострять отношенія.

А вѣдь всѣ мечты киргизъ сводятся къ желанію легальнымъ путемъ добиться возможности имѣть депутатовъ въ Государственной Думѣ и легально же уменьшить колонизацію степей, которая скоро окажется не въ пользу ни прошлому, ни коренному населенію, ибо степь не походитъ на то Эльдorado, какое рисуется нашимъ аграріямъ.

Барнаулъ (*Городская дума и исправникъ*). При разсмотрѣніи смѣты расходовъ на 1910 годъ, городская дума сократила штатъ городскихъ съ 67 на 57, т. е. на 10 чело-вѣкъ. Тѣмъ не менѣе, по предложенію губернатора и по просьбѣ исправника, городской голова М. И. Страховъ внесъ вопросъ на вторичное разсмотрѣніе думы и, со своей стороны, ходатайствовалъ, чтобы дума оставила прежній штатъ городскихъ.

Въ состоявшемся засѣданіи городской думы, одинъ за другимъ, гласные выясняли несовершенство постановки у насъ полицейскаго дѣла и рѣшительно высказались за отклоненіе предложенія городского головы.

Судя по тому, съ какимъ волненіемъ, какъ горячо и единодушно они высказывались, было видно, что это—наболѣвшій, одинаково для всѣхъ жгучій вопросъ, какъ для „оппозиціи“, такъ и для „Союза русскаго народа“, въ лицѣ его представителя г. Стафеевскаго: полиціей всѣ недовольны.

Недовольство это мотивировалось, между прочимъ, тѣмъ, что разные чины полиціи навязываютъ городovýmъ обязанности домашней прислуги, какъ въ городѣ, такъ и на дачахъ. Кромѣ того, однимъ изъ гласныхъ, членомъ ревизіонной коммисіи, былъ рассказанъ случай, какъ онъ натолкнулся на